

ЕСТЬ встречи, которые – сколько жив – не забыть. И среди них, самых дорогих – эта...

Шел июль 1976 года. Дон разворачивал жатву. И на золотой донской хлеб, в Вешенскую, приехала группа журналистов “Сельской жизни” во главе с ее главным редактором Александром Павловичем Харламовым. Ездили по полям, радовались урожаю, говорили с хлеборобами, а в душе томила думка-желание: быть в Вешенской и не встретиться с Шолоховым?! Тем более что Михаил Александрович знал нашу газету, выписывал ее, не раз говорил с ее страниц, много лет был нашим внешкором его бывший секретарь и спутник по охотничьим зорям Петр Петрович Гавриленко, и тогдашний секретарь райкома Николай Александрович Булавин позвонил Михаилу Александровичу. Шолохов назвал конец дня.

У разросшейся вширь и ввысь шелковицы, облепленной черными ягодами, нас приветливо встретила жена писателя Мария Петровна. Через узкую дверь с бокового входа поднимаемся по ступенькам в небольшую переднюю, из нее – в открытый кабинет писателя. Хотя, как выяснилось потом, святая святых – творческая “горенка”, где он остается наедине со своими мыслями – в верхней части дома, а это – служебный кабинет, где писатель встречается и беседует со своими посетителями, как вот сегодня с нами, разбирает письма, газеты, книги, но уже тот факт, что мы у Шолохова, в его домашней обстановке, – рождало возвышенное и непередаваемое чувство.

Я и сейчас вижу все это: широкий письменный стол с белым телефоном. На столе, на небольшом столике и на подоконнике – книги, много книг. Стена, у которой стоял обычный диван с черным дерматиновым верхом, увенчана охотничьим трофеем – головой крупного сохатого. На другой стене – донской пейзаж в неброской раме.

Рассаживаемся, осматриваем кабинет в ожидании. На полу, рядом с письменным столом, разлегся белый с коричневыми подпалинами дворняга, внимательно поглядывает на нас, но не проявляет настороженности от присутствия чужих людей, видимо, понимая, что это – к его хозяину.

И вот на пороге появляется Михаил Александрович. Мы встали. Он улыбнулся и, пристально глядя в наши лица, с каждым обменялся энергичным рукопожатием, сразу же поинтересовался, как доехали, где устроились.

Открытое, загорелое лицо, нос с горбинкой и рыжеватая щетка усов. Большой и высокий лоб, поредевшие седые волосы. И зоркий, внимательный взгляд глаз, вобравших в себя голубизну неба. Голос чуть хрипловатый.

– Кто же из вас нехаевский? – спрашивает и на ответ поворачивается к Александру Павловичу Харламову, уроженцу соседнего Нехаевского района: – Казак?.. И жена казачка?..

– Донской, а жена оренбургская...

Один за другим называемся ему. Он всматривается в нас и садится к столу спереди.

Рассаживаемся и мы. Передаем привет от коллектива “Сельской жизни”.

– Вы что же, всей редакцией?.. – шутит он и тут же настраивает на открытый и доверительный тон встречи.

Основной стержень беседы – хлеб, годовой итог нелегкого крестьянского труда. А.П. Харламов рассказывал Михаилу Александровичу о видах на урожай в стране. Они в целом неплохие на юге, в Поволжье, в Центральной России, на Украине, в Казахстане. Но в ряде районов будут трудности. Прошли сильные дожди с ветром. Хлеба покрутило.

– Сельские “парикмахеры” научились стричь, – добродушно резюмирует Михаил Александрович, имея в виду мастеров-жатчиков, комбайнеров. – А как восток? – интересуется он и сосредоточенно слушает Харламова. О том, как теснее соединить интересы крестьян с государственными, рачительность с хозяйственной сметкой людей, ответственностью за дело. Шолохов немногословен. Сказанные им слова точны, к месту и

времени, требуют размышлений. Не терпит краснобайства, посулов под громкие речи...

– Когда начальство приезжает в гости – не страшно, – смеется Михаил Александрович, переводя взгляд на вешенских руководителей и уже к нам: – Как, накормил вас Булавин?

– Спасибо, накормил, и даже с чаркой.

– Что-то по вас не заметно...

– Вечером приглашают на уху...

– Тогда надо приберечь желудки, оставить побольше на вечер, – смеется Шолохов.

И снова начатый разговор возвращается к заглавной теме – урожаю. От того, каким он будет, как его соберут, – зависит материальный интерес крестьянина, его семьи. А будет село с хлебом – не оскудеет и город...

Заботы села, интерес хлебороба всегда были для него первыми, заставляли его, сколько помнят станичники, на время откладывать работу над задуманными книгами, чтобы прийти на помощь людям.

Вспомнилось, как и в голодном 33-м, после жестокой засухи 1946-го он вместе с секретарями Боковского, Верхнедонского, Вешенского районов хлопотал перед ЦК и правительством о выделении продовольственной и семенной ссуды для колхозов, о скорейшем восстановлении порушенного войной народного хозяйства. И скоро помощь пришла, от голодной смерти удалось спасти тогда тысячи семей.

На митинге в станице Каргинской по случаю открытия школы, на строительство которой М.А. Шолохов отдал полученную им Ленинскую премию, он сказал: “Много исходил я по дорогам войны, много ездил по разным странам, но никогда не забывал о вас, земляки, всегда помнил о наших родных краях, часто вспоминая, как поется в старинной песне:

О юных днях в краю родном,

Где я любил, где отчий дом...”

– Хлеб и у нас неплохой, – говорил Михаил Александрович. – Особенно “северодонская”...

Донские селекционеры тогда только начали размножать выведенный ими высокоурожайный в условиях Северного Дона сорт озимой пшеницы “северодонская”, а М.А. Шолохов уже интересовался, как идет расширение посевов этого сорта в вешенских хозяйствах. И вот первый ее весомый урожай – зерно ядреное, хлеб из его муки духовитый, аппетитный. Как распорядиться урожаем?

– Государству продадим сполна, Михаил Александрович, – отвечает Булавин. – Будем сдавать только очищенный хлеб.

– Чистить надо лучше, – и с лукавинкой посматривает на Булавина... Пауза, и уже глуховато: – Можно понять секретарей: “Хлеб надо сдавать и скот кормить надо...” И довод у них веский: не себе в карман.

– А как кукуруза?

– Не очень важная... Остановилась в росте, – и показывает на метр от пола. – Но прошли дожди, и посевы поправляются. У нас кукуруза посеяна с засухоустойчивым сорго. Сена больше заготовили. Вчера всей станицей в луга выходили.

Шолохов:

– Заготовим на два года?.. – А придет весна – кормить нечем... и опять поглядывает на Булавина.

– Обязательства давать научились, – продолжал укоризненным тоном Михаил Александрович. – Выполнять их труднее. Поверьте мне, на восьмом десятке лет приходилось встречать всякое. Возьмут обязательство, прогремят, а приходит время отчитываться – молчат...

Вспоминая эти слова, думаю: как же точно подмечено писателем закоренелое в наших кадрах желание, не подсчитав, обещать, сулить горы! Вот и на нынешних выборах кандидаты в депутаты столько наобещали избирателям, что не хватит и нескольких сроков

полномочий, чтобы их выполнить. Государственные мужи в парламенте, в правительстве, администрации президента, да и сам президент тоже не скупятся на обещания. Но почти ничто не меняется.

Беседа подходила к концу, но Михаил Александрович не торопил ее, слушал, вставлял, казалось бы, скупые, но точно адресованные слова. Шутил.

Улучив момент, Юрий Коротков, тогдашний председатель райисполкома, от нашего имени просит Михаила Александровича подписать на память принесенные томики “Поднятой целины”.

– За этим дело не станет. Оставьте, к утру будет готово, – сказал Шолохов, поднимаясь со стула. Провожал твердым рукопожатием и опять шутил, улыбаясь в усы:

– А нехаевского казака далеко от себя не отпускайте...

В свою очередь мы благодарили Михаила Александровича за встречу, желали ему доброго здоровья на долгие годы.

Когда беседа закончилась и мы вышли из дома писателя, словно замороженные, направляясь к калитке, увидели, что тут же, на бревне, одиноко сидел, задумавшись, фотокор местной районной газеты Василий Чумаков, Булавин спохватился: “Подождите, я сейчас... Может быть, Михаил Александрович согласится с нами сфотографироваться” (известно, что Шолохов не любил позировать фотокорреспондентам). И чуть погодя из-за увитой зеленью террасы появился Булавин и машет нам рукой: идите сюда, он согласен...

Несколько широких ступенек ведут на открытую террасу, перед входом в дом писателя. На полу – легкий переносной столик, такие же кресла. На одном из них улыбающийся Шолохов. Булавин жестом приглашает рассаживаться. Чумаков внизу устраивает на штативе свою камеру. Михаил Александрович смешит фотокора:

– Ты смотри, на пустую нас не сними...

Не смутившись, Василий (очевидно, он чаще бывает на шолоховской усадьбе) тоже улыбчиво отвечает:

– Нет, Михаил Александрович, это у вас в “Тихом Доне” Чумаков – бандит, ему доверять нельзя. А я из других Чумаковых...

Мгновение – и память на всю жизнь.

Солнце клонилось к закату, когда по приглашению хозяина Дома рыбака мы выехали за несколько километров от станицы на озеро среди степного леса, где, как нам сказали, иногда любит провести с удочкой утреннюю зорьку М.А. Шолохов. На берегу развели костер, и через час казаки угощали нас дымящейся ухой, на которую, вспомнилось, Михаил Александрович шутиливо советовал приберечь желудки.

А утром следующего дня в гостиницу пришел посыльный от Шолохова и принес бережно завернутые книги с автографом писателя для журналистов “Сельской жизни”. На титульных листах книг “Поднятая

целина” писатель оставил – кому подробнее, кому сжато четко написанные емкие слова своих пожеланий и приветов. Внизу стояла дата и надпись: “19.VII.1976 г. М. Шолохов”.

А это тот самый снимок: в первом ряду М.А. Шолохов, по правую руку от него редактор отдела газеты Н.В. Тимченко, далее А.П. Харламов, его жена Л.А. Харламова, Ю.Ф. Коротков (тогдашний глава администрации Шолоховского района), во втором ряду – слева Н.А. Булавин и автор этих строк.

http://www.sgazeta.ru/2005/05_24/index.files/page0015.htm